На правах рукописи

Антонов Михаил Александрович

ПРЕЗУМПЦИЯ НЕДОБРОСОВЕСТНОСТИ В МЕХАНИЗМЕ ЗАЩИТЫ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ

5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Саратов – 2026

Работа выполнена в федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего образования «Саратовская государственная юридическая академия».

Научный руководитель доктор юридических наук, доцент
Соловых Светлана Жорисовна

Официальные оппоненты: **Яценко Татьяна Сергеевна**
доктор юридических наук, доцент,
ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
профессор факультета права,
руководитель департамента частного права

Зарубина Мария Николаевна
кандидат юридических наук, доцент,
Северо-Западный филиал
ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия
имени В.М. Лебедева», доцент кафедры гражданского процессуального права

Ведущая организация Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»

Защита диссертации состоится «25» декабря 2026 года в 15:00 на заседании диссертационного совета 24.2.390.01, созданного на базе федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Саратовская государственная юридическая академия» по адресу: 410056, г. Саратов, ул. им. Чернышевского Н.Г., зд. 104, стр. 1, зал заседаний диссертационных советов.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке и на сайте федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Саратовская государственная юридическая академия» (http://test.ssla.ru/dissertation/dissert/27-08-2026-2d.pdf).

Автореферат разослан «___» ноября 2026 года.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат юридических наук, доцент Колодуб Григорий Вячеславович

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Гражданский оборот не может существовать в условиях постоянного недоверия его участников друг к другу. В связи с этим важнейшее значение при осуществлении гражданских прав имеет принцип добросовестности, который закрепляет нормативное требование к поведению участников гражданского оборота. Практическое следствие данного принципа воплощается в презумпции добросовестности, предусмотренной п. 5 ст. 10 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), которая является элементом правового механизма и упрощает доказывание в конкретной ситуации, освобождая от доказывания собственной добросовестности.

Между тем общее правило не всегда способно учесть те ситуации, когда лицо внешне действует в пределах предоставленного права, использует допустимую правовую форму, но фактический результат его поведения уже не согласуется ни с назначением права, ни с интересами контрагента. Непосредственно доказать такую направленность поведения бывает крайне сложно.

На практике встречаются случаи, когда все юридически значимые сведения находятся у одной стороны, тогда как другая сторона может подтвердить только внешние обстоятельства ее поведения. При сохранении обычного распределения бремени доказывания подобная нехватка доказательств работает в пользу лица, действия которого и вызвали сомнение. В результате судебную защиту может получить формально правомерная модель поведения, которая, по существу, такой защиты не заслуживает. Полагаем, что именно здесь проявляется проблема, имеющая значение не только для доказывания по конкретному делу, но и для всего механизма защиты гражданских прав.

Дополнительное звучание указанная проблема приобретает в условиях конституционализации частного права. Положения Конституции Российской

Федерации закрепляют ценностные ориентиры, связанные с устойчивостью экономических отношений, взаимным доверием и солидарностью. Из этого отнюдь не следует, что любой частный интерес должен уступать интересам других лиц. Однако осуществление принадлежащего лицу права не может строиться таким образом, чтобы внешнее соблюдение закона позволяло полностью переложить на контрагента последствия поведения, не соответствующего назначению этого права. По этой причине гражданскому праву необходим такой правовой способ, который позволял бы оценивать и те действия, которые не нарушают прямого законодательного запрета, но имеют явно сомнительную направленность.

В качестве одного из подобных способов предлагается рассматривать презумпцию недобросовестности. Речь идет не об общем недоверии к участникам гражданского оборота и не об отказе от правила, установленного п. 5 ст. 10 ГК РФ. Презумпция должна применяться только при установлении совокупности обстоятельств, объективно ставящих добросовестность поведения под сомнение. В такой ситуации доказательственный риск переносится на лицо, избравшее спорную модель осуществления права, поскольку именно оно имеет возможность объяснить причины и действительную направленность своих действий.

Все вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что исследование презумпции недобросовестности необходимо для выравнивания доказательственных возможностей сторон, повышения предсказуемости судебной практики и, в конечном счете, сохранения доверия между участниками гражданского оборота.

Степень разработанности темы диссертационного исследования. Проблема доброй совести и ее значения для гражданского права имеет достаточно продолжительную историю научного осмысления. Еще в трудах М.М. Агаркова, И.Б. Новицкого, Л.И. Петражицкого, В.П. Грибанова, А.В. Венедиктова были поставлены вопросы, без которых современное исследование добросовестности вряд ли возможно: о связи права и

нравственности, о доверии в гражданском обороте, о пределах осуществления субъективного права, а также о недопустимости использования юридически допустимой формы вопреки той цели, ради которой соответствующая правовая возможность предоставлена лицу.

В современной цивилистике названная проблематика получила дальнейшее развитие в исследованиях Е.В. Вавилина, В.В. Витрянского, А.В. Волкова, В.Г. Голубцова, В.И. Емельянова, А.Г. Карапетова, М.Ф. Лукьяненко, К.В. Нама, Ж.И. Седовой, К.И. Скловского, Е.А. Суханова, Т.С. Яценко и других ученых. В соответствующих работах добросовестность анализируется как принцип гражданского права, исследуются пределы ее применения, соотношение со злоупотреблением правом, разумностью, справедливостью, гражданско-правовой виной, судебным усмотрением. Вместе с тем вопрос о том, при каких обстоятельствах исходное доверие к участнику гражданского оборота может быть заменено обязанностью именно этого участника объяснить собственное поведение, самостоятельного и последовательного раскрытия не получил.

Отдельные элементы исследуемой проблематики обнаруживаются и в более специальных работах. Применительно к кабальным сделкам и иным сделкам с пороками воли учитывались позиции Д.Д. Савранской, И.Ю. Динесмана, А.В. Зарубина, С.В. Потапенко, А.А. Карповой, М.И. Брагинского, В.В. Витрянского. Вопросы исковой давности рассматривались с опорой на исследования Д.А. Грибкова, Л.Г. Востриковой, Л.К. Беджаше, К.Г. Савина, М.Я. Кирилловой, П.В. Крашенинникова, А.П. Сергеева, Т.А. Терещенко, А.В. Потеевой, А.А. Власова, Л.З. Двалишвили, О.Н. Шеменевой. При обращении к искусственному дроблению закупок малого объема использованы работы Р.А. Жабровского, Г.Б. Добрецова, М.Ю. Тарасова, Е.В. Ступаченко, О.М. Родионовой и иных авторов. Проблематика осуществления потребительских прав и так называемого потребительского экстремизма получила отражение в трудах В.В. Богдан, А.Н. Кузбагарова, И.Л. Нилова, И.В. Поснова, Р.А. Темботова,

Ю.А. Голановой, Е.Ю. Усольцева, Г.А. Ожеговой, Т.В. Закупень, В.А. Шагалиевой и других авторов.

Проведенный обзор показывает, что научная основа настоящего исследования достаточно обширна. Однако сама презумпция недобросовестности в механизме защиты гражданских прав самостоятельным предметом цивилистического исследования до настоящего времени не являлась. Открытыми остаются вопросы о ее правовой природе, соотношении с закрепленной в п. 5 ст. 10 ГК РФ презумпцией добросовестности, условиях перехода от первоначального доверия к проверке поведения лица, а также о значении иррациональности внешне правомерных действий.

Цель диссертационного исследования заключается в разработке научно обоснованной конструкции презумпции недобросовестности в механизме защиты гражданских прав.

Достижение указанной цели определило постановку и решение следующих **задач**:

выявить сущность презумпции недобросовестности, признаки и ее значение для распределения бремени доказывания и доказательственного риска;

рассмотреть соотношение недобросовестности с незаконностью, неправомерностью, злоупотреблением правом, гражданско-правовой виной, разумностью и ошибкой, определив критерии их разграничения;

выявить случаи закрепления презумпции недобросовестности в гражданско-правовых нормах и актах их судебного толкования, а также определить условия ее применения, пределы действия и стандарт опровержения;

выявить специальные фактические составы, при наличии которых презумпция недобросовестности может применяться в механизме защиты гражданских прав как средство перераспределения доказательственного риска;

обосновать возможность применения презумпции недобросовестности контрагента при оспаривании кабальной сделки;

определить условия применения презумпции недобросовестности при заявлении о применении исковой давности;

раскрыть искусственное дробление закупок малого объема как фактическое основание для презюмирования недобросовестности;

установить пределы применения презумпции недобросовестности при осуществлении потребительских прав;

сформулировать предложения по совершенствованию гражданского законодательства, направленные на закрепление специальных презумпций недобросовестности в целях повышения эффективности механизма защиты гражданских прав.

Объектом исследования выступают общественные отношения, складывающиеся в связи с осуществлением и защитой гражданских прав, в которых оценка поведения участников гражданского оборота с позиции добросовестности и недобросовестности влияет на выбор и применение гражданско-правовых способов защиты, распределение доказательственных обязанностей и конечный результат судебной защиты.

Предмет исследования составляют нормы гражданского и процессуального законодательства РФ, правовые позиции высших судебных инстанций и материалы судебной практики, в которых закрепляются либо выводятся условия применения презумпции недобросовестности при осуществлении и защите гражданских прав, критерии выявления недобросовестного поведения, правила распределения бремени доказывания и доказательственного риска, а также гражданско-правовые последствия квалификации поведения как недобросовестного в механизме защиты гражданских прав.

Теоретическую основу диссертационного исследования составляют научные работы в области конституционного права – Г.А. Гаджиева, А.Ю. Бушева, С.А. Агамагомедовой и других авторов; общей теории права –

С.С. Алексеева, Ю.Б. Фогельсона, А.Ф. Черданцева, З.М. Черниловского и других авторов; гражданского права – Л.А. Астемировой, В.К. Бабаева, Н.А. Баринова, О.А. Беляевой, М.Н. Бронниковой, Б.А. Булаевского, Е.В. Вавилина, Е.Ю. Веденеева, А.В. Венедиктова, Ю.В. Виниченко, В.В. Витрянского, А.В. Волкова, А.А. Волоса, А.В. Габова, В.Г. Голубцова, Б.М. Гонгало, Е.П. Губина, О.В. Гутникова, И.А. Емелькиной, В.И. Емельянова, М.Н. Илюшиной, О.С. Иоффе, А.Г. Карапетова, Т.В. Кашаниной, П.В. Крашенинникова, О.А. Кузнецовой, Д.Н. Латыпова, М.Ф. Лукьяненко, А.А. Малиновского, Д.И. Мейера, А.В. Милькова, С.В. Михайлова, К.В. Нама, Н.А. Никиташиной, И.Б. Новицкого, В.А. Ойгензихта, И.А. Покровского, К.Г. Савина, Ж.И. Седовой, К.И. Скловского, Е.А. Суханова, Е.Ю. Усольцева, З.И. Цыбуленко, Т.С. Яценко и других авторов; гражданского процессуального и арбитражного процессуального права – В.П. Воложанина, Л.А. Грось, М.Н. Зарубиной, Н.Б. Зейдера, А.Ф. Клейнмана, Е.Г. Потапенко, И.В. Решетниковой, Ю.А. Серикова, С.Ж. Соловых, М.К. Треушникова, К.С. Юдельсона, А.В. Юдина и других авторов. Философско-правовые основания соотношения права, нравственности, воли и внешнего поведения учитываются с опорой на идеи В.С. Соловьева, Б.Н. Чичерина, И.А. Ильина, В.С. Нерсесянца, И. Канта и других мыслителей.

Нормативно-правовую основу исследования составили положения Конституции Российской Федерации, действующего российского гражданского и процессуального законодательства.

Эмпирическую основу настоящего диссертационного исследования составили материалы судебной практики Верховного Суда Российской Федерации, а также опубликованные материалы правоприменительной судебной практики судов общей юрисдикции и арбитражных судов различных инстанций.

Методологическую основу составила совокупность общенаучных и специальных юридических методов познания, выбор которых обусловлен

целью исследования и поставленными в работе задачами. В работе использованы диалектический и системный подходы, методы анализа и синтеза, индукции и дедукции, формально-юридический метод, метод юридической интерпретации, сравнительно-правовой и историко-правовой методы. Их применение позволило рассмотреть добросовестность и недобросовестность как взаимосвязанные категории, определить место презумпции недобросовестности в механизме защиты гражданских прав, исследовать ее фактическое основание, опровержимость и пределы действия, а также проверить общие выводы применительно к специальным составам второй главы.

Научная новизна диссертационного исследования заключается в том, что в нем научно обоснована презумпция недобросовестности, которая выступает разновидностью отрицания недобросовестного поведения и трансформирует принцип добросовестности в процессуальный инструмент, позволяющий преодолеть доказательственный формализм.

Отдельно доказана самостоятельность презумпции недобросовестности как специального правового предположения, не сводимого к презумпции добросовестности, презумпции вины, запрету злоупотребления правом либо общему правилу о распределении бремени доказывания. Данная конструкция имеет собственное основание применения, выраженное в совокупности объективируемых обстоятельств, указывающих на вероятное отклонение поведения лица от стандарта добросовестного поведения, а также собственное функциональное назначение, заключающееся в обеспечении практической реализации принципа добросовестности посредством перераспределения доказательственного риска в механизме защиты гражданских прав.

Предложена система отрицательных признаков, при наличии которых исходного доверия к участнику оборота уже недостаточно для правовой оценки его поведения. Исходное предположение о добросовестности сохраняется до тех пор, пока обстоятельства конкретного дела не дают оснований усомниться в соответствии поведения лица обычно ожидаемой

модели. Поэтому для возникновения презумпции одного утверждения о недобросовестности недостаточно. Требуются факты, которые такое сомнение делают обоснованным. Если они установлены, дальнейшее значение приобретает объяснение самого участника оборота. Оно должно соотноситься с тем, что уже установлено по делу, и допускать проверку. В этой связи в работе рассматривается и иррациональность поведения. Отдельно взятая, она ничего не доказывает. Однако отсутствие понятного объяснения внешне правомерных действий в сочетании с другими обстоятельствами способно указать на то, что их действительная цель отличается от внешне заявленной.

В работе тем самым получила оформление самостоятельная презумптивная конструкция. Ее содержание раскрывается через факты, с которыми связывается возникновение предположения, пределы его действия и возможность представить доказательства обратного. При этом для существования такого правила прямое употребление законодателем слов «презумпция недобросовестности» не является обязательным. В одних случаях соответствующее предположение закрепляется непосредственно, в других обнаруживается при совместном прочтении взаимосвязанных норм и сложившегося их толкования.

Сформулированы научно обоснованные предложения по совершенствованию гражданского законодательства, законодательства о контрактной системе и законодательства о защите прав потребителей, направленные на нормативное закрепление специальных доказательственных правил о презумпции недобросовестности при оспаривании кабальной сделки, заявлении о применении исковой давности, искусственном разделении единой потребности заказчика в закупках малого объема и недобросовестном осуществлении потребителем прав, предусмотренных Законом РФ «О защите прав потребителей».

Проведенное исследование позволило сформулировать **основные положения, выносимые на защиту:**

1. Дано авторское определение презумпции недобросовестности, под которой понимается установленное законом или сформированное судебной практикой правило, согласно которому при наличии определенных фактов (обстоятельств) поведение участника гражданского оборота рассматривается как недобросовестное, пока он не докажет обратное.

2. Установлено, что недобросовестность выступает самостоятельной оценочной категорией, не сводимой к формальному нарушению императивных предписаний. Догматическое разграничение недобросовестности со смежными конструкциями имеет принципиальное значение. В отличие от злоупотребления правом, локализованного стадией осуществления уже существующего субъективного права, недобросовестность охватывает весь цикл: от его приобретения до защиты. При этом недобросовестность не тождественна вине, отражающей психическое отношение лица, и не сводится к ошибке. Неразумность и иррациональность, выявляющие разрыв между внешней правомерностью действий и их типичной целью, выступают лишь фактическими индикаторами, но сами по себе не образуют самостоятельного состава недобросовестности.

3. Доказано, что в российском гражданском праве презумпция недобросовестности может существовать в двух формах:

закрепленная в норме, когда законодатель связывает установленный факт с предположением о недобросовестности лица либо о другом юридически значимом обстоятельстве, свидетельствующем о ней;

сформированная правоприменительной практикой, как результат судебного толкования.

4. При оспаривании кабальной сделки (п. 3 ст. 179 ГК РФ) целесообразно закрепить презумпцию использования контрагентом тяжелого положения потерпевшего. Для ее активации истец обязан доказать факты, вынужденный характер сделки, крайнюю невыгодность ее условий и осведомленность (должную осмотрительность) ответчика о тяжелом положении.

Процессуальное назначение данной конструкции состоит не в предрешении недействительности, а в перераспределении доказательственного риска. Презумпция облегчает установление наиболее труднодоказуемого элемента состава – субъективного факта «использования». Бремя опровержения этого предположения переходит к ответчику. Иные элементы состава основания недействительности подлежат доказыванию истцом в общем порядке.

5. Обоснована возможность обращения к презумпции недобросовестности при заявлении стороны о применении исковой давности в тех случаях, когда пропуск срока обусловлен ее предшествующим поведением. Основание для изменения обычного распределения доказательственного риска возникает, если до истечения срока ответчик своими действиями либо бездействием препятствовал своевременному предъявлению требования или существенно его затруднял. Такое поведение может выражаться в сокрытии сведений, необходимых для обращения за защитой, сообщении недостоверной информации, а равно в создании иных препятствий для предъявления требования. После доказанности подобных обстоятельств связь между поведением ответчика и пропуском срока предполагается. Опровергнуть ее должен ответчик.

6. Разработан подход к квалификации искусственного дробления закупок малого объема через категорию заранее известной единой потребности заказчика. Признаками такой потребности являются взаимосвязанность предметов закупок, единая цель их осуществления, временная близость заключения контрактов и отсутствие самостоятельного хозяйственного значения каждой закупки. При установлении данной совокупности обстоятельств наличие единой потребности заказчика предполагается, пока заказчиком не доказано иное. Участие поставщика, подрядчика, исполнителя в недобросовестной модели определяется с учетом его осведомленности о единой потребности заказчика, согласованности действий с заказчиком либо иной направленности поведения на обход конкурентной процедуры.

7. Обоснована необходимость закрепления специального доказательственного правила о недобросовестном осуществлении потребителем прав, предусмотренных законодательством о защите прав потребителей. Основанием для применения презумпции недобросовестности потребителя выступает совокупность обстоятельств, свидетельствующих об использовании потребительских гарантий в отрыве от их восстановительного назначения, в том числе при осведомленности потребителя об отсутствии оснований для предоставления соответствующей защиты, возникновении таких оснований вследствие очевидной ошибки, технического сбоя, недостоверных сведений, сообщенных самим потребителем, уклонения от необходимых действий либо иного поведения, направленного на создание или существенное увеличение последствий спорной ситуации.

По результатам исследования и представленных положений диссертантом сформулированы предложения о внесении изменений и дополнений в действующее законодательство: в Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первую), Федеральный закон от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд», Закон Российской Федерации от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей». Предложения о внесении изменений и дополнений представлены в Приложении к диссертации.

Теоретическая значимость данного исследования состоит в обосновании презумпции недобросовестности как самостоятельной юридико-технической конструкции, действующей в механизме защиты гражданских прав. Ее существование, по нашему мнению, не вступает в противоречие с презумпцией добросовестности, поскольку речь идет об исключении, которое возможно лишь при доказанности специального фактического состава. В исследовании также уточнено соотношение недобросовестности со злоупотреблением правом, незаконностью, гражданско-правовой виной, разумностью и ошибкой. Злоупотребление правом рассматривается как одна

из форм недобросовестного поведения, связанная с осуществлением субъективного права, но не исчерпывающая всего содержания недобросовестности. Предложенная конструкция имеет значение и для понимания доказательственного риска. Она позволяет поставить вопрос о его перераспределении там, где поведение внешне остается правомерным, но совокупность обстоятельств вызывает обоснованные сомнения в соответствии такого поведения назначению права и законным ожиданиям другого участника оборота. Выделение отрицательных признаков, включая иррациональность при отсутствии разумного и проверяемого объяснения, позволяет конкретизировать теоретическое содержание добросовестности и недобросовестности как взаимосвязанных правовых категорий.

Практическая значимость исследования состоит в том, что сформулированные в работе положения и выводы могут быть использованы в правоприменительной деятельности при разрешении гражданско-правовых споров, связанных с оценкой добросовестности поведения сторон и квалификацией формально правомерных, но, по существу, недопустимых моделей осуществления права. Разработанные критерии выявления отрицательных признаков недобросовестности и аргументационная модель включения презумпции недобросовестности способствуют повышению качества судебной деятельности, снижению риска произвольных оценок и обеспечению большей предсказуемости правоприменения. Материалы исследования могут быть использованы при подготовке предложений по совершенствованию гражданского законодательства и разъяснений высших судебных инстанций, а также в учебном процессе при преподавании дисциплин гражданско-правового профиля.

Степень достоверности результатов исследования. Достоверность результатов исследования обеспечивается использованием совокупности общенаучных и специальных юридических методов познания, адекватных поставленным целям и задачам. Выводы исследования основаны на изучении значительного массива научных источников, нормативных правовых актов и

материалов судебной практики, а также на сопоставлении различных доктринальных подходов. Достоверность полученных результатов подтверждается их апробацией в научных публикациях и обсуждением на профильных научных мероприятиях.

Апробация результатов исследования. Апробация результатов исследования осуществлялась в ходе практической и преподавательской деятельности автора на кафедре гражданского права ФГБОУ ВО «СГЮА». Диссертационное исследование обсуждено на кафедре гражданского права ФГБОУ ВО «СГЮА». Основные положения и выводы работы отражены в семи научных публикациях, пять из которых опубликованы в рецензируемых журналах, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации для опубликования результатов докторских и кандидатских исследований, а также представлены в докладах на следующих научных мероприятиях: XVII Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых в рамках V Международного юридического молодежного форума «Правовая система и вызовы современности» (г. Уфа, 10–12 декабря 2020 г.); V Международной научно-практической конференции «Тамбовские правовые чтения имени Ф.Н. Плевако» (г. Тамбов, 28–29 мая 2021 г.); XXI Всероссийской научно-практической конференции «Экономика, управление, общество: история и современность» (г. Хабаровск, 19 декабря 2023 г., материалы опубликованы в 2024 г.); 4.1 Саратовском юридическом форуме «Современная правовая система России: наследие Победы и взгляд в будущее» (г. Саратов, 19–20 июня 2025 г.).

Структура диссертационного исследования соответствует стоящим перед автором цели и задачам. Диссертация состоит из введения, двух глав, включающих семь параграфов, заключения, списка используемых источников и приложения, содержащего предложения по совершенствованию законодательства.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обоснована актуальность диссертационного исследования, представлена характеристика степени научной разработанности, сформулированы цель и задачи исследования, определены объект, предмет, теоретическая, нормативно-правовая и эмпирическая основы исследования, научная новизна, представлены методы исследования, сформулированы положения, выносимые на защиту диссертации, раскрыта теоретическая и практическая значимость работы, указаны сведения о степени достоверности и об апробации результатов, полученных в ходе исследования.

Глава первая «Теоретико-правовые основания презумпции недобросовестности в гражданском праве» объединяет три параграфа, в которых последовательно рассматриваются правовая природа исследуемой презумпции, содержание недобросовестности во взаимосвязи со смежными гражданско-правовыми категориями и существующие в российском гражданском праве формы закрепления презумпции недобросовестности.

В первом параграфе «Правовая природа и ценностные основания презумпции недобросовестности» исследовано значение закрепленной в п. 5 ст. 10 ГК РФ презумпции добросовестности. Ее значение для нормального гражданского оборота сомнений не вызывает. Вряд ли можно представить систему частноправовых отношений, в которой каждый участник изначально обязан доказывать добросовестность любого совершенного им действия. Вместе с тем обычное распределение бремени доказывания не всегда учитывает ситуации, когда сведения о действительной направленности поведения практически полностью находятся у одного участника правоотношения, а другой способен установить только его внешние проявления.

Выделены признаки, через которые может обнаруживаться отрицание стандарта добросовестного поведения: игнорирование прав и законных интересов другой стороны при реальной возможности их учета; несоразмерность избранных средств той цели, ради которой право

предоставлено; использование правовой формы вопреки ее назначению; сознательное создание либо сохранение правовой неопределенности; расхождение между формально заявленным назначением действий и фактически полученным результатом.

Отдельное внимание уделено иррациональности поведения. Полагаем неверным признавать ее самостоятельным основанием для отрицательной правовой оценки. Участник гражданского оборота может совершить ошибку, принять невыгодное хозяйственное решение либо действовать непоследовательно и при этом оставаться добросовестным. Иное значение возникает тогда, когда отсутствие разумного и проверяемого объяснения внешне правомерных действий соединяется с иными обстоятельствами, свидетельствующими об использовании правовой формы не по назначению или об игнорировании законных интересов другой стороны.

В результате сформулировано авторское определение презумпции недобросовестности как установленного законом или сформированного судебной практикой правила, согласно которому при наличии определенных фактов (обстоятельств) поведение участника гражданского оборота рассматривается как недобросовестное, пока он не докажет обратное.

Во втором параграфе «Недобросовестность в системе смежных гражданско-правовых категорий» исследуется соотношение недобросовестности с незаконностью, неправомерностью, злоупотреблением правом, гражданско-правовой виной, разумностью и ошибкой.

Анализ п. 4 ст. 1 ГК РФ позволил установить, что законодатель разграничивает незаконное и недобросовестное поведение. Данное обстоятельство имеет значение для дальнейшего исследования, поскольку позволяет не связывать недобросовестность исключительно с нарушением прямого законодательного запрета. Поведение может формально соответствовать отдельной норме, однако получать отрицательную правовую оценку вследствие несоответствия общим началам гражданского законодательства или назначению предоставленной правовой возможности.

Соотношение недобросовестности и злоупотребления правом раскрыто через различия в сфере их применения. Анализ существующих подходов позволил прийти к выводу о том, что эти категории близки, но не тождественны. Злоупотребление правом возможно на стадии осуществления уже существующего субъективного права. Недобросовестность обнаруживается шире: при установлении и приобретении права, его осуществлении, исполнении обязанностей и защите. В связи с этим злоупотребление правом в работе рассматривается как одна из форм недобросовестного поведения, не исчерпывающая всего его содержания.

В работе показано, что недобросовестность не сводится и к гражданско-правовой вине. Последняя характеризует отношение лица к собственному поведению и его последствиям, а в объективированной модели – степень проявленной заботливости и осмотрительности. Недобросовестность приобретает самостоятельное регулятивное значение, поскольку предполагает сопоставление фактической модели поведения со стандартом, ожидаемым от участника гражданского оборота, назначением предоставленного права и законными интересами другой стороны.

При разграничении добросовестности и разумности поддерживается подход, согласно которому разумность в большей степени характеризует интеллектуальную составляющую поведения. Поэтому неправильная оценка обстоятельств, хозяйственный просчет или иное неразумное решение сами по себе не позволяют сделать вывод о недобросовестности. Судебная практика также показывает возможность квалификации поведения как неразумного, но добросовестного.

В третьем параграфе «Формы закрепления презумпции недобросовестности в российском гражданском праве» рассматривается вопрос о том, является ли исследуемая презумпция исключительно предлагаемой доктринальной конструкцией либо соответствующие доказательственные правила уже используются законодателем и судебной практикой.

Анализ законодательства и судебной практики позволил сделать вывод о том, что презумпция недобросовестности уже присутствует в российском гражданском праве, хотя далеко не всегда прямо обозначается соответствующим термином. Для установления ее наличия решающее значение имеет не название правовой конструкции, а тот результат, который наступает после доказанности определенного фактического состава.

В качестве одного из примеров рассмотрен п. 2 ст. 434.1 ГК РФ, регулирующий поведение сторон при проведении переговоров. Установление предусмотренных данной нормой обстоятельств способно привести к необходимости для соответствующей стороны обосновать добросовестность своих действий. Существенным является то, что лицо не лишается возможности доказать обратное. Именно возможность опровержения позволяет говорить о презумптивном характере правила, а не об императивном признании поведения недобросовестным.

В корпоративной сфере исследованы аналогичные правила. В п. 1 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 30 июля 2013 г. № 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица» разъяснено, что суд может возложить на директора бремя доказывания отсутствия нарушения обязанности действовать добросовестно и разумно, если суд усмотрит недобросовестность в его отказе от пояснений или их явной неполноте. Само по себе возникновение убытков такого вывода не предопределяет. Сходная доказательственная логика рассмотрена при применении п. 3.1 ст. 3 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» с учетом постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 21 мая 2021 г. № 20-П, принятого по спору кредитора с лицами, контролировавшими исключенное из реестра общество. Подход объясняется информационным неравенством сторон.

В результате сделан вывод о существовании двух форм закрепления презумпции недобросовестности. В первом случае соответствующее правило

закрепляется в норме, когда законодатель связывает установленный факт с предположением о недобросовестности лица либо о другом юридически значимом обстоятельстве, свидетельствующем о ней. Во втором случае презумпция формируется правоприменительной практикой в результате судебного толкования.

Глава вторая «Отдельные основания применения презумпции недобросовестности в механизме защиты гражданских прав» включает четыре параграфа. В ней рассматриваются отдельные правовые ситуации, применительно к которым обычное распределение доказательственного риска не всегда позволяет обеспечить эффективную защиту гражданских прав. К ним отнесены оспаривание кабальной сделки, применение исковой давности, искусственное дробление закупок малого объема и осуществление потребительских прав.

В первом параграфе «Презумпция недобросовестности при оспаривании кабальной сделки» исследован состав, предусмотренный п. 3 ст. 179 ГК РФ, и, прежде всего, один из наиболее сложных с позиции доказывания его элементов – использование другой стороной тяжелого положения потерпевшего.

Анализ судебной практики показывает, что потерпевшая сторона, как правило, способна подтвердить тяжелые обстоятельства, в которых она находилась, вынужденность совершения сделки, отсутствие реальной альтернативы и крайнюю невыгодность согласованных условий. Значительно сложнее доказать внутреннюю осведомленность контрагента и направленность его поведения именно на использование такого положения. Соответствующие обстоятельства находятся преимущественно в сфере другой стороны сделки, что и создает доказательственную асимметрию.

В работе предложено следующее доказательственное правило: если потерпевшим доказано, что сделка имела вынужденный характер вследствие стечения тяжелых обстоятельств, была совершена на крайне невыгодных условиях, а обстоятельства ее заключения свидетельствуют о том, что

контрагент знал или должен был знать о тяжелом положении другой стороны, использование такого положения предполагается, пока контрагентом не доказано иное.

При этом речь не идет об автоматическом признании сделки недействительной. Другая сторона вправе оспаривать доказанность фактов, образующих основание презумпции, в том числе своей осведомленности о тяжелом положении потерпевшего и связи этого положения с совершением сделки. Если основания презумпции установлены, на нее возлагается бремя опровержения предположения об использовании тяжелого положения потерпевшего. Иные элементы состава п. 3 ст. 179 ГК РФ по-прежнему подлежат доказыванию потерпевшим.

В целях реализации указанного подхода предложено дополнить п. 3 ст. 179 ГК РФ положением, согласно которому при доказанности предусмотренной совокупности обстоятельств предполагается, что другая сторона воспользовалась тяжелым положением потерпевшего, пока ею не доказано иное.

Во втором параграфе «Презумпция недобросовестности при заявлении о применении исковой давности» исследованы пределы осуществления права, предоставленного ответчику п. 2 ст. 199 ГК РФ.

Обоснован вывод о том, что само заявление о применении исковой давности не является недобросовестным. Более того, если исходить из противоположного, институт давности утратил бы свое назначение, связанное с обеспечением устойчивости и определенности гражданского оборота. Проблема возникает в иной ситуации – когда пропуск срока оказывается связанным с поведением самого лица, которое впоследствии ссылается на его истечение.

В предлагаемой модели определяющее значение придается связи между предшествующим поведением и пропуском срока. Речь может идти о сокрытии необходимых сведений, сообщении недостоверной информации, создании у другой стороны ошибочного представления о фактической или

правовой ситуации либо иных действиях и бездействии, препятствующих своевременному предъявлению требования.

Согласно предлагаемому правилу, после доказанности таких обстоятельств причинная связь между поведением ответчика и пропуском срока предполагается, пока ответчиком не доказано иное. Ответчик вправе доказать, что его действия не повлияли на возможность своевременного обращения в суд либо что истец сохранял реальную возможность предъявить требование в установленный срок.

В целях нормативного закрепления указанного подхода предложено дополнить п. 2 ст. 199 ГК РФ правилом о том, что при доказанности действий или бездействия стороны, объективно способных исключить либо существенно затруднить своевременное предъявление требования, пропуск срока предполагается обусловленным таким поведением, пока стороной, заявившей о применении исковой давности, не доказано иное. Одновременно предлагается установить, что в такой ситуации истечение срока не является основанием для вынесения решения об отказе в иске. Предлагаемое правило не распространяется на срок, установленный п. 2 ст. 196 ГК РФ, если иное не предусмотрено законом.

В третьем параграфе «Презумпция недобросовестности при искусственном дроблении закупок малого объема» исследована проблема оценки нескольких формально самостоятельных закупок, которые могут быть направлены на удовлетворение заранее известной единой потребности заказчика.

Проблема искусственного дробления заключается в том, что само заключение нескольких контрактов на основании п. 4 ч. 1 ст. 93 Федерального закона № 44-ФЗ допускается при соблюдении установленных ограничений. Часть 15 данной статьи прямо предусматривает возможность заключения нескольких контрактов в отношении однородных либо идентичных товаров, работ и (или) услуг, в том числе с одним поставщиком, в пределах установленных ограничений годового объема закупок и цены контракта.

Следовательно, совпадение отдельных внешних признаков еще не дает возможности автоматически говорить об обходе конкурентной процедуры. Вместе с тем судебная практика нередко использует именно такие признаки: одного контрагента, один объект, близость дат заключения договоров, взаимосвязанность предметов закупки.

Самостоятельное внимание уделено оценке поведения поставщика, подрядчика или исполнителя. Решение о выборе способа определения поставщика относится прежде всего к сфере деятельности заказчика. Поэтому сам факт заключения контрагентом нескольких договоров не означает, что он участвовал в создании модели, направленной на обход конкурентной процедуры. Иной подход приводит к тому, что неблагоприятные последствия поведения заказчика могут механически переноситься на лицо, которое исполнило свои обязательства и не принимало решения о способе закупки.

В качестве центрального признака искусственного дробления выделено наличие заранее известной заказчику единой потребности. На существование такой потребности могут указывать взаимосвязанность предметов закупок, направленность нескольких контрактов на достижение единого хозяйственного результата, временная близость их заключения и отсутствие самостоятельного хозяйственного значения каждой закупки. При доказанности всей совокупности названных обстоятельств наличие единой потребности заказчика предлагается предполагать, пока им не доказано обратное. Для квалификации разделения потребности как искусственного в предлагаемой модели необходимо установить его направленность на неприменение конкурентного способа определения поставщика.

Для закрепления предложенной модели сформулированы изменения в ст. 93 Федерального закона № 44-ФЗ. Предлагаемая ч. 15.1 определяет признаки единой потребности заказчика, закрепляет опровержимое предположение о ее наличии и разграничивает установление искусственного разделения потребности заказчиком и участие в нем поставщика, подрядчика или исполнителя.

В четвертом параграфе «Презумпция недобросовестности при осуществлении потребительских прав» исследован вопрос о пределах усиленной защиты потребителя как слабой стороны гражданского правоотношения.

Предоставление потребителю дополнительных гарантий признается оправданным. Формальное равенство участников здесь не обеспечивает фактического равновесия, поскольку профессиональный участник оборота располагает значительно большими информационными, организационными и экономическими возможностями. Вместе с тем признание потребителя слабой стороной не означает освобождения его от общего требования действовать добросовестно.

Рассмотрено используемое в научной литературе понятие «потребительский экстремизм». Его использование удобно для обозначения рассматриваемой проблемы, однако самостоятельного гражданско-правового содержания данное понятие, на наш взгляд, не имеет. Юридическая оценка должна осуществляться через категории недобросовестного поведения и злоупотребления правом.

Сделан вывод о том, что специальный статус потребителя сам по себе не позволяет заранее решить вопрос о добросовестности его поведения. Исходная презумпция должна сохраняться, однако при наличии объективных обстоятельств, указывающих на использование гарантий в отрыве от их восстановительного назначения, возникает необходимость иного распределения доказательственного риска. Частичное отражение данного подхода автор усматривает в п. 7 ст. 13 Закона РФ «О защите прав потребителей», исключающем взыскание предусмотренного п. 6 этой статьи штрафа, если добровольное удовлетворение требования оказалось невозможным по вине потребителя. Названное правило касается штрафа и не образует общего механизма оценки недобросовестного осуществления потребительских прав.

К обстоятельствам, имеющим значение для оценки поведения потребителя, отнесены осведомленность потребителя об отсутствии оснований для предъявляемого требования, использование очевидной технической или программной ошибки, сообщение заведомо недостоверных сведений, сокрытие информации, уклонение от действий, необходимых для добровольного удовлетворения требования, необоснованный отказ от принятия надлежащего исполнения, а также иное поведение, направленное на то, чтобы создать либо существенно увеличить неблагоприятные последствия спорной ситуации. Технический или программный сбой сам по себе не означает недобросовестности потребителя; значение имеет сознательное использование его последствий вопреки назначению предоставленных гарантий.

На этой основе предложено специальное доказательственное правило. Требование потребителя предполагается заявленным недобросовестно, если лицом, которому оно предъявлено, доказана совокупность обстоятельств, свидетельствующих о том, что потребитель знал либо исходя из очевидных обстоятельств не мог не знать об отсутствии оснований для соответствующего требования или своими действиями либо бездействием создал такие основания или существенно увеличил неблагоприятные последствия спорной ситуации. Презумпция действует, пока потребителем не доказано иное.

В целях реализации сформулированного подхода предложено дополнить главу I Закона РФ «О защите прав потребителей» статьей 16.2 «Пределы осуществления потребителем прав, предусмотренных настоящим Законом», закрепив в ней требование добросовестного осуществления специальных прав потребителя, условия действия презумпции и последствия установления недобросовестного поведения. В предлагаемой норме отказ в защите либо иные последствия связываются с той частью требования или его размера, которая обусловлена недобросовестным поведением потребителя. Отказ в защите не допускается в части, направленной на восстановление реально нарушенного права потребителя, если такое нарушение не обусловлено его недобросовестным поведением.

В *заключении* подведены итоги исследования. Обосновано, что презумпция недобросовестности не отменяет закрепленную п. 5 ст. 10 ГК РФ презумпцию добросовестности. Перераспределение доказательственного риска допускается после доказанности специального фактического состава, ставящего направленность поведения под обоснованное сомнение, с сохранением возможности опровергнуть предположение. В исследованных конструкциях предполагается недобросовестность требования потребителя либо отдельное юридически значимое обстоятельство: использование тяжелого положения потерпевшего, обусловленность пропуска срока поведением другой стороны или наличие единой потребности заказчика. Во втором случае предполагаемое обстоятельство входит в основание последующей оценки поведения и не подменяет ее.

В *приложении* к диссертационному исследованию представлены предложения по совершенствованию гражданского законодательства, законодательства о контрактной системе в сфере закупок и законодательства о защите прав потребителей.

По теме диссертационного исследования автором опубликованы следующие работы:

Статьи в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации:

1. Антонов, М.А. Добросовестность как общеправовой принцип российского права / М.А. Антонов // Правовая политика и правовая жизнь. – 2024. – № 4. – С. 137–141. (0,29 а.л.).

2. Антонов, М.А. Презумпция недобросовестности как инструмент защиты прав кредиторов в банкротстве / М.А. Антонов // Юридическая наука. – 2024. – № 11. – С. 129–133. (0,61 а.л.).

3. Антонов, М.А. Недобросовестность при искусственном дроблении закупок у единственного поставщика / М.А. Антонов // Вопросы российского и международного права. – 2025. – Т. 15. – № 10А – С. 250–256. (0,48 а.л.).

4. Антонов, М.А. Злоупотребление правом в сфере защиты прав потребителей / М.А. Антонов // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2026. – № 2 (169). – С. 142–147. (0,46 а.л.).

5. Антонов, М.А. Презумпция недобросовестности контрагента при оспаривании кабальной сделки / М.А. Антонов // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. – 2026. – № 8. – С. 62–65. (0,4 а.л.).

Статьи, опубликованные в других научных журналах и изданиях:

6. Антонов, М.А. Признание заявления о применении исковой давности злоупотреблением правом / М.А. Антонов // Правовая система и вызовы современности: материалы XVII Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых в рамках V Международного юридического молодежного форума: в 2 ч. (г. Уфа, 10–12 декабря 2020 г.). – Ч. II. – Уфа: Башкирский государственный университет, 2020. – С. 9–13. (0,34 а.л.).

7. Антонов, М.А. Философско-правовое понимание принципа добросовестности / М.А. Антонов // Экономика, управление, общество: история и современность: материалы XXI Всероссийской научно-практической конференции (г. Хабаровск, 19 декабря 2023 г.). – Хабаровск: Дальневосточный институт управления – филиал РАНХиГС, 2024. – С. 257–259. (0,18 а.л.).